

◆ ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

И СНОВА — КАК В ПЕРВЫЙ РАЗ

«Он мне очень близок и понятен просто как человек... Пожалуй, Альваро — сейчас самая любимая из моих ролей, ведь чтобы партия стала «твоей», мало того, чтобы она, как мы говорим, «хорошо легла на голос», нужно, чтобы она «легла на душу», — рассказывает мне о своей последней работе (Альваро в опере Дж. Верди «Сила судьбы») солист Свердловского академического театра оперы и балета А. Бондарец.

А я, внимательно слушая, мысленно вижу певца тем, «совсем еще мальчишкой», который с волнением и трепетом стоял впервые на сцене Свердловской оперы, и слышу, как «запела, запела виолончель...» и зазвучала знаменитая ария Германа.

После того прослушивания, когда в зрительном зале собрался почти весь театр, после приветственных «молодец!» — его судьба была решена. Анатолий Бондарец стал артистом. И вот уже 15 лет звучит его тенор со сцены Свердловской оперы.

Сейчас Бондарец споет более 30 разнохарактерных и различных по степени трудности партий — практически весь имеющийся в театре репертуар драматического тенора. Конечно же, есть любимые герои — это Герман в «Пиковой даме» Чайковского, Отелло в одноименной опере Верди и Радамес в его же «Аиде».

Альваро встал в один ряд с ними, потому что так же глубоко трагичен, предельно эмоционален. Вижу себя в положении героя и буквально тону в его страстях, верите, даже дрожу по коже...».

И я верю, верю потому, что вижу его Альваро на грани отчаяния, с распростертыми руками, с обезумевшими, молящими о помощи глазами.

А сейчас со мной говорит совсем другой человек — жизнерадостный, весь в движении: то что-то споет, то спародирует еще не отжившие, увя, излюбленные оперные позы («как на семейной фотографии»), то, смеясь, покажет, каким сердитым было лицо дирекции, когда он отправлялся с гастролей, чтобы сдать экзамены в консерватории.

Все эти годы приходилось учиться не только петь, но и играть, играть именно на оперной сцене. И когдане помо-

гали ни природный артистизм, ни врожденная музыкальность, когда что-то не выходило, шел к артистам балета, пытаюсь освоить их пластику, их умение передать музыку, мысль движением, жестом. Когда что-то не выходило — еще и еще раз вчитывался в содержание, пытался почувствовать, понять до тонкостей своего героя.

Так родился его Хозе в «Кармен» — простой деревенский парень, чья любовь, затмив все на свете, привела его к убийству.

Так создавался образ Отелло — сильного и благородного человека, прошедшего через многие жизненные испытания.

Потом появился Меншиков в «Петре I» А. Петрова — делец и весельчак, правая рука царя, его верный помощник и преданный слуга.

И вот — Альваро. «Отец мой был король инков, он объединил всех оставшихся инков и выступил против испанцев-палачей. Но его убили. Родился я в тюрьме, где умерла моя мать», — таким было его детство, такой же трагичной, полной унижения была его жизнь, закованная в цепи ненависти и бесправия. Альваро — человек, искавший покоя и не находивший его, человек, который умел любить и свято верил в дружбу, но его предал друг и погибла любовь. Альваро был ни в чем не виновен и виноват во всем.

Постичь мир его мыслей и чувств, а главное — донести их до зрителя было трудно вдвойне: опера идет на итальянском языке. Как добиться того, чтобы голос, взгляд, жест стали выразительнее, чтобы каждый порыв души героя был ясен без слов?

Ответы приходилось искать самому, не было возможности даже обратиться к «опыту поколений», к тем эталонам, которые были созданы раньше: опера ставилась в Советском Союзе лишь однажды.

Здесь был необходим собственный опыт, а он у Бондарца достаточно велик: к своим ведущим ролям, к тому уровню актерского мастерства, которым он сейчас владеет, певец пришел с большим багажом маленьких партий, с обширной концертной программой. Прекрасные романсы Чайковского, Рахмани-

нова, Свиридова, Варламова, с их яркой театральностью и мелодичной щедростью, стали той школой мастерства, той пробой себя, которую Бондарец прошел сначала в музыкальных училищах Гомеля и Бреста, в бесконечных поездках с Черниговской филармонией, а затем в Уральской консерватории.

И именно то, что его Альваро одним из первых пришел на советскую оперную сцену, получил признание критики, говорит о значительности таланта, мастерства, опыта его создателя.

«Трагедия Альваро должна была быть именно его трагедией — в этом главная трудность. Долго бились с режиссером над финалом. И каждый раз отвергали уже почти решенное — из-за похоти, из-за того, что «где-то это уже было». Так — пока не сошлись во мнениях. И все же перед выходом на сцену каждый раз волновались — поймут ли?

Вообще, волнуясь перед каждым спектаклем. Знаю твердо, что сделаю максимум возможного, не буду беречь ни голоса, ни сердца, и все-таки с утра не спокоен. Стараюсь как можно раньше прийти в театр: меня ничто так не успокаивает, как грим», — рассказывает А. Бондарец.

А я снова вспоминаю полутемный зрительный зал и одинокого, убитого горем человека у края сцены — его Альваро, вспоминаю его руки, его глаза — тот последний, не сделанный шаг...

А потом снова мысленно вижу совсем другое лицо — лицо уставшего певца, и слышу сказанные им тогда слова: «Кажется, где-то сбился, не заметили? Надо еще раз все проштудировать, ведь впереди столько спектаклей».

А. ЛЮБАРСКАЯ.

На снимке: А. БОНДАРЦ.